V открытая городска научно-практическая конференция

«Новое поколение»

«Сохрани мою печальную историю…» образ блокадного детства в творчестве А. Ф. Пахомова и Ю. П. Воронова

Автор: Щербакова Екатерина
ученица 8 «Б» класса
МБОУ Гимназии «Перспектива»
г.о. Самара – Ассоциированная школа ЮНЕСКО

Научный руководитель –
Проскурина Галина Владимировна
учитель мировой художественной культуры и основ духовно-нравственной культуры
МБОУ Гимназии «Перспектива»
г.о. Самара – Ассоциированная школа ЮНЕСКО

Самара 2016 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……3

Глава I. А. Пахомов. «Здесь был город - фронт, была блокада...»…… 7

ГлаваII. « Блокадный звон» поэта Ю. Воронова…… 12

Заключение..……... 26

Примечания…….. 27

Список использованной литературы……. 28

Список иллюстраций……30

Иллюстрации ……31

Приложения …… 41

ВВЕДЕНИЕ

Петербург - загадочный и прекрасный город, встреча с ним восхищает и тревожит каждого.

В истории искусств известно много художников, каждый переживал и создавал свое, имели свои увлечения и страсти. И сейчас работают много разных людей, которые создают произведения искусства каждый по-своему.

Одни из них обладают особым талантом цвета, другие - даром слова, но особо выделяются из них те, кто, обладая необходимыми качествами профессии, имеют еще один дар - видеть и слышать время.

Одним из них был художник Алексей Федорович Пахомов. Он был увлечен действительностью: все, что он делал, было связано с тем, что он видел и чувствовал. Таким был и поэт Юрий Воронов, ленинградский мальчишка, прошедший адовы круги блокады.

Категория времени значительна в творчестве любого художника и поэта.

В каждом возрасте - мера другая
Протяженности дней и минут

(Ю.Воронов)

Для А.Пахомова и Ю.Воронова это время отсчитывало удары метронома, которые звучат с неумолимой силой в памяти каждого ленинградца, пережившего блокаду. «Опять война, опять блокада... А может, нам о них забыть? Я слышу иногда: не надо, не надо раны бередить. Ведь это правда, что устали мы от рассказов о войне и о блокаде пролистали стихов достаточно вполне» - напоминает Ю. Воронов («Опять война...») .

О том, что пришлось претерпеть ленинградцам, о мучительном голоде и холоде, о морях разучившихся плакать[1], рассказывают А.Пахомов и Ю.Воронов.

Автор данной работы попытается рассмотреть образ детства на примере запечатленных мгновений, увиденных глазами детей, художника А.Ф. Пахомова и поэта Ю.П. Воронова. Пережитое, перечувствованное и

передуманное за девятьсот дней блокады стало для них нравственным светом.

Мы никогда так много не молчали,
Не думали так много никогда,
Как той зимой потерь, тревог, печали,
Где новый день -
Как новая беда ...

(Ю.Воронов « Мы никогда...»)

Их произведения - «из голода, из горя, из зимы», из той первой блокадной зимы, за которой, как потом, оказалось, последовали вторая и третья ... Они - из прошлого, но такого прошлого, которое живо в нас и сейчас, которое взывает к нашей совести, к нашей гордости, к нашей памяти. Поэт и художник донесли до нас образы детей блокады, передали чувство уверенности и веры в победу не только всех ленинградцев, но и всей страны, и даже с тех, кто за пределами ее боролся с фашистами. «Здесь — продолженье битвы за Мадрид». (Мадрид).

Стихотворение или рисунок, созданные в Ленинграде в тяжкие блокадные дни, – это не просто графический рисунок и не просто стихотворение, а свидетельства очевидца, а значит, документ. Память хранит все, что пережито. Память тоже становится документом. На примере серии рисунков художника А.Ф. Пахомова и стихов поэта Ю.П. Воронова мы словно переживаем хронику блокадных дней с четкостью блокадного метронома.

Автор работы хочет, чтобы люди помнили и чтили память о героическом блокадном Ленинграде. Ведь это город, который невозможно не любить, это город – герой, город – легенда.

При работе над данной темой мы использовали воспоминания А.Ф. Пахомова[2] и материалы его персональных выставок[3], благодаря которым перед нами раскрылось своеобразие графических работ художника.

В нашей работе мы постарались осветить творчество А.Пахомова, посвященное блокадному Ленинграду, поэтому мы обратились к воспоминаниям очевидцев[4].

Источником для подбора материала послужили также искусствоведческие труды о творчестве художника[5].

Специального исследования творчества Ю. Воронова не существует, поэтому автор работы использовал журнальные публикации, посвященные блокадному циклу поэта.

Большую помощь в исследовании оказали нам статьи Л. Темина[6], М. Пьяных[7], В. Дементьева[8]. В этих работах мы ощутили сопричастность к страданиям и радость самого поэта и его соотечественников, потому что человек, прошедший войну, «живет трудней и зорче».

Возможно, стихотворный анализ блокадного цикла Ю.Воронова еще ждет своего исследователя, поэтому автор работы представляет и собственное видение стихов поэта, акцентируя внимание на связи его лирики с художественными образами А. Пахомова.

Цель работы - рассмотреть образ блокадного детства на примере творчества А.Ф. Пахомова и Ю.В. Воронова.

Объект исследования - блокадное детство глазами художника и поэта, взрослого и ребенка

Предмет исследования – восприятие блокадного детства через творчество А.Ф.Пахомова и Ю.П.Воронова

Метод исследования: описательный, сравнительно-исторический (выявление своеобразия графики А. Пахомова и поэзии Ю. Воронова), теоретический (изучение и обобщение материалов, содержащихся в различных источниках).

В соответствии с вышеизложенным мы ставим перед собой следующие задачи:

1. Рассмотреть причины возникновения и условия создания графической серии А.Ф.Пахомова.

2. Проследить развитие художественных образов детей блокадного Ленинграда.
3. Передать мир несгибаемой стойкости детей-ленинградцев в творческом наследии А.Ф.Пахомова и Ю.П. Воронова.

Актуальность нашей работы состоит в том, что она подготовлена к 70-летию Победы, а воспоминание о подвиге Ленинграда позволит еще раз осознать тяготы войны, потому что через каждого прошло и горе войны, и утрата близких, и у каждого в душе теплилась вера в победу.

Указом Президента Российской Федерации В.В.Путина 2015 год, объявлен годом литературы. Поэтому нам важно приоткрыть страницу блокадной лирики Ю.П. Воронова и прикоснуться к его памяти.

В октябре 2015 года исполняется 115 лето со дня рождения А.Ф.Пахомова, и наша работа возможно привлечет внимание к его творчеству.

ГЛАВА I А. ПАХОМОВ «ЗДЕСЬ БЫЛ ГОРОД-ФРОНТ, БЫЛА БЛОКАДА…»

Война не знает возраста. Перед страшным ликом ее уничтожающей силы равны и стар, и млад. Но насколько трагично потерянное детство, детство, лишенное радости и смеха, наполненное страданиями, голодом, потерями самых близких людей.

Есть поговорка: «На войне детей не бывает». И это так если вспомнить плакат А.Пахомова «Поможем убрать урожай»* (Ил.1). Это - плакат, вдохновляющий народ на решение такой важной задачи, как замена в трудовом строю ушедших в армию. Изобразительное решение плаката подчеркивало главную мысль: жатву ведут женщины, старики, дети. Агитационному призыву «Ребята, заменим отцов и братьев, ушедших на фронт!» отвечает изображение школьников за уборкой урожая.

Художник выбирал актуальные темы плакатов и умел найти выразительные решения. «Металлом по фашистам» (Ил.2) - так назывался один из агитационных листов, в котором пропагандировалась важность сбора сырья для оборонной промышленности. Этот плакат был напечатан в августе 1941 года, когда бои приближались к городу на Неве.

Дети. Именно им принадлежали мысли художника, и на его рисунках появились ребятишки, такие похудевшие и оттого казавшиеся большеголовыми. Они большими глазами грустно смотрят на мерцающий огонек комнатной печурки, на багровые отсветы огня. (Ил. 3). А.Ф. Пахомов уловил движение фигур, передал их слегка склоненные головы, озабоченность и тревогу на лицах.

На другом плакате - «Обнявшиеся девочки» (Ил. 4). Они не по-детски сжавшие губы, по-взрослому спокойные и о чем-то так напряженно думавшие, глядят в одну точку. Наброски эстампа «В детском доме», посвященные борьбе за жизнь детей в блокадном Ленинграде, «документ большой силы и чувства»[9], самое волнующее произведение на детскую тему,

выполненное в годы войны. Рисунки исполнены быстрым нервным штрихом, словно передающим отблеск печного пламени.

Главной темой творчества Пахомова стал страдающий Ленинград, боль за человека, забота о человеке[10]. Но художник хотел рассказать о Ленинграде и ленинградцах людях с «Большой земли», как тогда называли все, что лежало за осажденным городом.

Серию открывает литография «Проводы народного ополчения на фронт»: мужчины уходят на фронт, в городе остались женщины, подростки, дети. Художник показывает их жизнь в городе, где не было ни света, ни воды, ни дров, где кусок хлеба был богатством.

Естественно, детей хотели сберечь в первую очередь, стремились укрыть от обстрелов, от бомбежек. Всесторонняя забота о детях в тех условиях была характерной чертой ленинградцев. И она же давала особую силу взрослым, поднимала их на труд и на бой, потому что спасти детей можно было, только отстояв город.

Одна из суровых картин запечатлена в листе «После налета» (Ил.5). В образе остро переплетающихся древесных стволов и ветвей художник отразил напряженное время, а «трепещущая на ветру уцелевшая занавеска и беспокойные голые ветки деревьев как бы поют реквием погибшим[11], среди которых дети, как погибшие, так и лишенные крова.

«все это, дети, называется – блокада
И детский плач в разломанном гнезде…
И в свисте пуль, и в завыванье бомбы…
И дети будут здесь.
Но не сейчас. Потом»

Елена Вечтомова, 1942

Рассмотрим рисунок «В очаге поражений» (Ил. 6). Две девушки в форме сандружинниц осторожно несут исхудавшее, почти безжизненное тело раненой девочки лет двенадцати. По-видимому, воздушный налет застал ее в постели. Девочка в белой ночной рубашке, закутана в простыню. На лице одной из девушек -нескрываемое волнение и душевная боль. Только

безучастна фигурка раненой девочки с поникшей головкой и закрытыми глазами.

Хотя художник, как он рассказывал, и не был очевидцем подобного события, но этот лист вызывает одно из самых сильных впечатлений.[12]А.Ф.Пахомов нашел выразительное построение рисунка. Основа композиции этого произведения - тяжелое, драматически напряженное движение, острые диагональные направления рисунка, совпадающие с ними или изображенные параллельно им формы. Силуэты, линии придают особый динамизм всей сцене, насыщая ее до предела тревожным, почти трагическим ощущением. Чтобы усилить динамизм события, распределение света и тени, художнику пришлось повернуть всю композицию под углом к зрителю, использовав при этом острую ритмику диагональных направлений, в этом и заключен «пульс жизни» непокоренного города.

Обстрелы и бомбежки разрушали дома Ленинграда. Людей, погребенных под развалинами, разыскивали санитарные дружинницы. Они поднимались по разрушенным лестницам, повисшим над бездной, проникали в комнаты, заваленные обломками, извлекали оттуда людей, бережно спускались с ними. Один неосторожный шаг, одно неосторожное движение - и им грозила гибель вместе с большой своей ношей.

На рисунке «На Неву за водой» (Ил. 7) изображен закутанный в платок ребенок, выливающий воду из чайника в кастрюлю, чтобы отвезти ее на санях домой, и девушка, с предельным напряжением сил поднимающаяся по ступенькам набережной с ведром в руке. Рисунок остается в памяти на всю жизнь, говорит о трагедии войны, о том, что пришлось испытать детям.

На фоне запорошенной снегом глади Невы, против здания Биржи, у спуска к проруби, изображены девушка-подросток, несет свое ведро, выбиваясь из сил. На переднем плане изображено как на ледяной площадке ребенок лет шести, до глаз закутанный в материнский платок, переливает в кастрюлю, поставленную на детских саночках, воду, принесенную в большом медном чайнике: чтобы наполнить эту кастрюлю, малышке несколько раз придется спускаться и подниматься по скользким холодным ступеням. В

детстве так весело переливать из сосуда в сосуд говорливую, искрящуюся, пенящуюся воду, но с какой священной серьезностью льет ребенок густую полузамерзшую влагу из неуклюжего тяжелого чайника в большую, стоящую на саночках кастрюлю. Выделяя фигурку ребенка, художник четкими графическими линиями обрисовывает ее трагически изогнутые полураскрытые губы. Так передается художником тяжелая Правда о детях осажденного города.

Однажды художник зашел в детский сад, совсем недавно дававший ему столько радостей, когда-то он называл его «экзотической страной».[13]

Несказанно изменилась «экзотическая страна». «В детдоме. Ленинград. Зима 1941-1942 года» (Ил. 8) - живое свидетельство бед и страданий, принесенных фашистами ленинградцам. Драматичность ощущения усилена свето-теневыми контрастами. Мерцание коптилок, резкий отблеск ночного огня и не дающая света, бесполезно висящая под потолком электролампа - характерные особенности блокадной жизни. Среди этих подробностей художник нашел еще одну, но трагическую ноту: учебное пособие школьного урока анатомии -человеческий скелет в углу, показанный как зловещий символ смерти, витавшей над каждым жителем осажденного города. Но изображение скелета не бросается резко в глаза и не определяет основной смысл картины, а придает лишь особый суровый оттенок событиям тех дней. Главным становилось то, что и в тяжелых условиях блокады жизнь продолжалась, ленинградцы думали о будущем, заботились о воспитании детей. О перенесенных тяготах свидетельствовали чувства, изображенные художником на ребячьих лицах, в них печаль по утерянным близким и горечь украденного детства. Это произведение раскрывает одну из волнующих страниц жизни блокадного города. Это произведение - суровое обвинение фашизму.

Заключительным листом серии А.Ф.Пахомова «Ленинград в дни блокады» является эстамп «Салют 27 января 1944 года» (Ил. 9). Хлынувшая на освещенные набережные толпа заполнила Кировский мост. На лицах людей самые разные и самые сложные переживания: у одних -

несгладившаяся еще боль, у других - радужная надежда, у третьих - суровая сдержанность. Рядом с матерью, целующей ребенка, художник выразительно передал лицо женщины со слезами на глазах. Улыбка контрастно сочетается с тенью светлой печали, грустных мыслей и воспоминаний о недавно пережитом горе.

Образы детей в осажденном городе проникнуты верой и одухотворены любовью, трогают какой-то внутренней чистотой. Художник А.Ф. Пахомов думал о детях, потому что, где ребенок там, хоть искра надежды! Потому что они сумели совершить невозможное – пережить ледяной ад. И не только пережить, но и остаться людьми.

ГЛАВА II. « БЛОКАДНЫЙ ЗВОН» ПОЭТА Ю. ВОРОНОВА

Ю.П. Воронов - известный современный поэт, лауреат Государственной премии РССР имени М.Горького. Через все его поэтическое творчество неизменно проходит тема, ставшая в его сборниках стихов,

главной - эта тема блокадного Ленинграда. На счету поэта несколько изданных книг, однако самой популярной, самой известной остается его книга стихов «Блокада».

Детство поэта прошло в предвоенном Ленинграде и оборвалось 22 июня 1941 года. Ю.П. Воронов встретил войну подростком, которому еще не исполнилось тринадцати лет, и все девятьсот дней блокады он оставался в городе.

Никогда не затеряется тоненькая книжечка стихов о блокадном Ленинграде Ю.Воронова, много пережившего в детские и отроческие годы, передавшего миру свое понимание трагедии Ленинграда.

В стихах Ю.Воронова звучит голос ребенка, мальчика, который каждый день побеждает в себе страх, каждый день учится безбоязненно смотреть в глаза смерти:

Герой не тот,
Кто шествует на плаху
С улыбкой беззаботной на губах.
Не тот,
Кто никогда не знает страха,
А тот, кто первым побеждает страх.
И если он однажды скажет:
«Надо!» -
То люди знают:
Рядом будет он ...
Я говорю спасибо Ленинграду,
Что он людьми такими
Наделен.

Эти возвышенные слова о несгибаемой стойкости ленинградцев звучат из уст не «храброго мужа», а беззащитного мальчика, который каждый долгий день блокады старается перебороть, одолеть «ужасы войны»:

... И что не страшно -
Можно притвориться,

А вот привыкнуть -

Все-таки нельзя...

Сборник «Блокада» издавался поэтом на протяжении долгих лет - с 1942 по 1983 год.

Последние стихи этой удивительной книги Ю. Воронов создал в зрелом возрасте, и в них раскрываются новые грани представления человека о мужестве, стойкости. Мы найдем его в стихотворении «Камни».

Нам пишут:

«Будьте стойки, как гранит!...»

Но память строк не сохранит.

И это зрелое стихотворение хранит в себе следы детского восприятия войны и ужасов блокады.

В сознании ребенка весь город - эта «каменная симфония» - и люди, населяющие его, представляются неделимым целым, одно перетекает в другое: камни, как люди, переживают тяготы войны, очеловечиваются, наделяются чувствами и переживаниями людей, а люди становятся как камни в своем желании не просто выстоять, но, окаменев, не ощущать всей боли страдания,,)

Стойкость этих людей тверже любого гранита, говорит поэт. Он утверждает:

…без людей

И каменные львы

И мрамор зданий,

И гранит Невы

Не поднимали б к солнцу

головы...

В блокадном Ленинграде призыв, обращенный к «Камню», призыв выстоять, выдержать и победить звучит парадоксально в стихах Ю.В. Воронова:

...О, камни!

Будьте стойкими, как люди!

Ленинград - Петербург в восприятии читателей - это, прежде всего город Пушкина, воспевшего его в знаменитых строчках:

Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой стройный, строгий вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит!...

В читательском восприятии этот город и сейчас существует как «пушкинский Петербург» и «Петербург Достоевского...» Классики ,рисуя каждый по своему образ города, говорят о его великолепных каменных набережных, каменных дворцах:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, строгий вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...

(А.С.Пушкин)

Сегодня мы можем сказать, что рядом с образами «пушкинского Петербурга», «Петербурга Достоевского» в русской литературе существует образ «блокадного Ленинграда» в поэзии его первооткрывателя Ю.Воронова.

В стихах Ю.Воронова « Камни», «Гранит», «Парки», «Деревья», «Вода», даже «Свод небес» - не те, привычно пушкинские, а другие

И каменные львы,
И мрамор зданий,
И гранит Невы –

страдают так же, как люди, особенное дети, они оказываются еще более беззащитными.

«О, камни! Будьте стойкими, как люди»! - обращается Ю.Воронов. Он обращается, как к живым, к «ленинградским деревьям»: «Деревья! Поклонитесь низко людям и сохраните печаль о былом...» О людях, среди которых были дети, сберегающих прекрасные деревья ленинградских парков, пишет Ю.Воронов:

Они зимой,

Чтоб как-нибудь согреться -

Хоть на мгновенье,

Книги, письма жгли.

Но нет

Садов и парков по соседству,

Которых бы они не сберегли…»

Даже в блокадные дни дети пытались сохранить свой город с его величественными дворцами, парками, красавцами деревьями.

«Ленинградские деревья» - это стихотворение имеет необычное название. Хочется сказать: какие деревья, если в блокаду гибли дети? Но в том- то и дело, что жители Ленинграда, любившие свой город – памятник, обладавшие культурой, были настолько благородны, что в суровые блокадные зимы не рубили деревья, не уничтожали сады и парки. Поэтому деревья Ленинграда, а ныне Петербурга, - это памятники его благородным защитникам с возвышенной душой. Деревья - молчаливые свидетели бесчисленных бомбёжек, гибели тысяч людей, взрослых и детей, но в то же время подтвержденье того, «что, как Россия, вечен Ленинград». В конце стихотворения, автор, олицетворяя деревья Ленинграда, обращается к ним с призывом помнить о тех, кто не позволил себе занести топор над украшением города, выдержав беспощадный холод и не растопив печки «зелёными великанами»

Рано повзрослевшим детям блокады посвящены знаменитые, часто цитируемые стихи Ю.Воронова:

В блокадных днях

Мы так и не узнали:

Меж юностью и детством

Где черта?..

Нам в сорок третьем

Выдали медали

И только в сорок пятом -

Паспорта.

Память хранит все, что пережито. Память тоже становится документом. В ней подвиг каждого ленинградского ребенка, каждой улицы, каждого дома.

Однако самое важное, что хотел сказать поэт о подростках блокадного Ленинграда, содержится во второй строфе данного стихотворения:

И в этом нет беды.
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно от того,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

Это знаменитое стихотворение Ю. Воронова написано в 1967 году, а в 1985 году он отзовется о нем так: «Первую строчку этого стихотворения часто цитируют, но вторую почему-то обходят вниманием, словно сомневаются в ее достоверности, По-моему, неверно. Прожитые десятилетия и у меня, и у многих ровесников только обострили, усилили понимание высказанного в ней ощущения. «И не надо этому не верить».[14]

Рано повзрослевшие дети блокады увидели столько горя, сколько редко выпадет на долю взрослого человека в мирные дни. И самое страшное горе - смерть родных, близких людей.

Щемящей печалью отзываются в сердце читателя строки стихотворения «Трое»:

Я к ним подойду. Одеялом укрою,
О чем-то скажу, но они не услышат,
Спрошу - не ответят...

А в комнате трое, но двое не слышат.
Я знаю: не встанут.
Я все понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?

Комментарием к этому стихотворению явились напечатанные в 1987 году четыре детских письма Ю.Воронова на фронт отцу, в которых двенадцатилетний подросток сообщает трогательные подробности о своем четырехлетнем брате Алеше и крошечной сестренке Милочке, родившейся 8 октября 1941 г. Они погибли 25 ноября 1941 г., погребенные под

развалинами рухнувшего в результате обстрела дома. «Мать и бабушку, которые были на кухне и провалились на этаж ниже, спасли: услышав их стоны, бойцы аварийно-восстановительной команды пробили капитальную стену со стороны лестницы. Их увезли в госпиталь. А брата и сестру удалось откопать только на пятый день уже мертвыми. Их хоронили 1 декабря 1941 года - а ведь это был только восемьдесят пятый день блокады»...[15]

Я забыть
Никогда не смогу
Скрип саней
На декабрьском снегу.
Тот пронзительный,
Медленный скрип:
Он как стон,
Как рыданье,
Как всхлип.
Будто все это
Было вчера...
В белой простыне -
Брат и сестра...

Эта первая нестерпимая боль потери маленькой сестренки и брата отразится в стихотворении «Младшему брату»:

...Эту бомбу метнули с неба
Из-за туч
Среди бела дня...
Я спешил из булочной
С хлебом.
Не успел,
Ты прости меня.

В этом стихотворении нарисованы обстоятельства гибели младшего брата лирического героя, который близок самому автору – Ю. Воронову. Ежедневные бомбардировки Ленинграда не щадили никого, их жертвами

становились и беззащитные дети. Старший брат уцелел чудом, так как отсутствовал дома, уходил за хлебом, который был так нужен голодным детям. Старший чувствует свою вину перед погибшим, потому что не смог помочь младшему и защитить его. Проникновенно описан погибший ребёнок:

Он глядит- уже не мигая-
На вечерние гроздья звёзд.

Если живые дети с любопытством смотрят на звёзды, то это застывший взгляд в вечность.

Стихотворение «Дождь» словно продолжение предыдущего: гибнет старший брат. Не зима, а лето в чудесном Ленинграде, такой частый там летний дождь. Сравнение «как замедленный свист хлыста» позволяет автору нарисовать звук снаряда, разрушающего гармонию летнего дня. Гибнет парень, несший домой драгоценный хлеб и ставший красным от крови. Повторяющаяся частица «не» («не слышал», «не пришёл», «не увидел, «не помню», «не нужен») подчёркивает горечь и бессилие автора: человеческая жизнь, оборвавшаяся в одну секунду, не повторится. И ничто не может противостоять гибели мирного жителя Ленинграда. С помощью ряда однородных членов в простом нераспространённом предложении «Я оглох, онемел, ослеп» нарисована внезапная гибель человека, так надеявшегося жить, так радовавшегося летнему дождю и добытому хлебу. Однако и после смерти погибший не перестаёт думать о судьбе родного города. Стихотворение написано от имени погибшего. Этот приём мы находим и в древнегреческой поэзии («Путник! Пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне…»), и в лирике А. Твардовского («Я убит подо Ржевом…»), и в стихотворении Ю. Воронова. Все эти произведения написаны от имени защитников, отдавших свои жизни во имя победы над врагом. Этот приём придаёт стихотворным строкам особую проникновенность: мы слышим завет погибшего и готовы его исполнить:

Но покоя мне нет:
Мы прежде
Победить должны до конца.

Последние строки стихотворения звучат призывом ко всем, кто остался жить:

Ленинград мой, моя надежда,
Замени
Своего бойца!

Каждый житель блокадного Ленинграда, даже ребенок, был подлинным его защитником, так как не сдавался, терпел и как мог спасал свой родной город от врага. Город не мог погибнуть, так как горожане обладали такой твёрдой верой в победу и гражданской позицией.

В блокадном городе был свой отсчет времени. У людей, переживших ужасы блокады, - каждый ее день сосчитан. Неважно, произошло ли в этот день что-то важное, особенное, или же долго тянулась рутина «обыденной»

блокадной жизни - люди вспоминают: это было в восемьдесят пятый день, это - в сотый день...

«Сотый день» - это название одного из важнейших стихотворений цикла. Все обыденно, уже привычно в этот день:

Вместо супа -
Бурда из столярного клея,
Вместо чая -
Заварка сосновой хвои.
Это б все ничего,
Только руки немеют,
Только ноги
Становятся вдруг не твои.
Только сердце
Внезапно сожмется, как ежик,
И глухие удары
Пойдут невпопад...
Сердце!
Надо стучать, если даже не можешь.
Не смолкай!
Ведь на наших сердцах -
Ленинград.

Но не убить в человеке желания жить. Человек сам себе приказывает жить, обращаясь к собственному сердцу:

Бейся, сердце!
Стучи, несмотря на усталость,
Слышишь:
Город клянется, что враг не пройдет!»
.. .Сотый день догорал.
Как потом оказалось,
Впереди
Оставалось еще восемьсот.

Детали блокадного быта переполняют стихи Ю.Воронова, и важнейшими среди них являются очень простые, но драгоценные для каждого блокадника слова: «хлеб», «вода» ...

В стихотворении «Крылья» герой мечтает улететь туда,

.. .Где опасности нет
От вечернего лунного неба,
Где встречают рассвет
Караваями теплого хлеба...

А во сне даже

.. .могут смолкнуть пушки,
Растает холод, будто не был,
И вместо ледяной подушки –
Горячая буханка хлеба...

Но это только в мечтах и во сне, а наяву

Наш хлебный суточный паек
Ладонь и ту не закрывает...

И хотя воды в невской проруби хватит на всех, обессиленные люди не торопятся бежать вверх по берегу, когда начинается обстрел: они терпеливо ждут,

Чтоб воду по пути не расплескать,
Мы молча ждем,
Пока она замерзнет...

Строка «Если б крылья иметь!» рефреном звучит в этом стихотворении. Невозможно было выбраться из кольца блокады и перебраться на Большую землю, где не рвались снаряды. Только крылья могли бы помочь. Но тогда надо забыть о родном Ленинграде, бросить его на растерзание врагам. Невозможно выбраться из кольца блокады и попасть в тёплые страны, где «встречают рассвет караваями тёплого хлеба», так не хватавшего в голодном городе. Только крылья могли бы помочь. Но лирический герой, как и другие его сограждане, не мог себе позволить себе оставить город без защиты:

Мы же - вырвали б крылья
И сами
Их сожгли на кострах,
Так чтоб враг увидал это пламя.

И враг видел это «пламя»: общеизвестны свидетельства немецких солдат и офицеров, которые в письмах и воспоминаниях удивлялись мужеству защитников Ленинграда и понимали, что дух города невозможно было сломить. Третья часть стихотворения передаёт высоту духа ленинградцев, которые, несмотря на невыносимый голод и жесточайшие бомбёжки, не смели сдать город, держались и явили миру пример несгибаемой стойкости.

Стихотворение заканчивается оборванной строкой «Если б крылья иметь!..»: на полуслове обрывается жизнь защитника Ленинграда. Но это не напрасная жертва: город выстоит благодаря непревзойдённому мужеству ленинградцев и вопреки плану Гитлера сравнять невские дворцы с землёй и испепелить.

Стихотворение «Сотый день» можно назвать памятником мужеству и стойкости ленинградцев. Сотый день – это три с небольшим месяца блокады, зима, конец 1941 - начало 1942 года. Голод сжигает жителей города: «руки немеют» и «ноги не твои». Только сердце ещё живо и стучит вопреки мучениям. Обращаясь к сердцу, лирический герой обращается ко всем ленинградцам:

Сердце! Надо стучать, если даже не можешь.
Не смолкай! Ведь на наших сердцах – Ленинград!

Даже в наших руках, а на наших сердцах, то есть на нашей любви к родной земле, на нашей воле, на нашем мужестве. И ленинградцы слышали этот призыв. История блокадного города знает сотни фактов, которые свидетельствуют о многих удивительных, не объяснимых наукой случаях выдержки и жизненной стойкости истощённый людей. Да, организм был истощён, а вот дух был крепким:

Бейся, сердце! Стучи, несмотря на усталость,
Слышишь: город клянётся, что враг не пройдёт!

И это был только сотый день жестокой блокады, впереди было ещё восемьсот суровых дней. Сто и восемьсот, восемь раз по сто таких невыносимых дней – невозможно поверить в эту страшную арифметику, но мы знаем, что город выстоял: сердца его жителей, среди которых были и дети, бились…

Первые стихи сборника «Блокада» написаны Ю.Вороновым в 1942 году. Он был подростком, который ничем не отличался от тысяч своих тогдашних сверстников. Впоследствии поэт напишет: «Мы уже старались жить взрослыми делами. Нам доводилось выполнять задания местных групп ПВО, помогать бойцам аварийно-восстановительных команд разбирать завалы домов. И все-таки в начале блокады мы еще оставались детьми. Повзросление - иногда неожиданно быстрое, иногда постепенное - приходило к нам вместе с пережитым личным горем, с мучительным,

изнуряющим голодом и другими обрушившимися на нас блокадными тяготами».[16]

Можно сказать, что блокадное детство навсегда поселилось в поэтической судьбе Ю. Воронова. Ребенок, переживший ужасы блокадного времени, не смог бы избежать его до конца. Блокада осталась в его душе навсегда.

Проходят годы. Все дальше время отодвигает от нас тяжкие события блокады. Но воспоминания о них возникают вновь и вновь:

И тридцать лет,
И сорок лет пройдет,
А нам
От той зимы не отогреться.
Нас от нее ничто не оторвет.
Мы в ней всегда -
И памятью, и сердцем.

Может быть, кто-то, пережив весь ужас блокады, рад бы его забыть, но поэт не может себе этого позволить. Забыть ужасы блокадной зимы - значит предать память о тех родных и близких людях, которых больше нет. Забыть - значит потерять частицу человечности:

И эту память,
Как бы нас ни жгло,
Не троньте
Даже добрыми руками.
Когда на сердце камень -
Тяжело.
Но разве легче,
Если сердце - камень?...

«Память» - в этом философском стихотворении автор осмысливает образ памяти о пережитом во время Блокады. Память жива, пока есть на земле есть не только могилы жертв блокадного голода и холода, но и живые свидетели того времени. Пережившие ужас блокады взрослые и дети никогда ни при каких условиях не смогут забыть о страшных днях. Проходят

десятилетия, а блокадники всё ещё там, в сороковых, что не отпускают и не дают права не помнить. Эпитет «нетленной» автор употребляет относительно слова «жестокость». Обычно говорят: нетленные письмена, нетленные камни. А здесь жестокость памяти становится нетленной, потому что память не позволяет истлеть воспоминаниям о бесчеловечных муках, которым подвергались жители блокадного Ленинграда. Память мучит, терзает сердце, поэтому и хочется кричать «Будь проклята!», подобно лирической героине поэмы А. Ахматовой «Реквием» хотелось «память до конца убить». Но взрослые и дети наделены памятью, способностью помнить о произошедшем, потому лирический герой Воронова и проклинает память, и одновременно благословляет её. Ведь если исчезнет память о Блокаде, то ничто не помешает человечеству повторить подобное, что недопустимо. Люди, лишившись памяти, превратятся в безмолвные могильные холмы:

Она щемит и давит. Только мы
Без той зимы – могильные холмы.

В последнем четверостишии автор стихотворения призывает чрезвычайно трепетно и свято относиться к памяти о погибших ленинградцах:

И эту память, как бы нас ни жгло,
Не троньте даже добрыми руками.

Эти строки звучат в наши дни, как колокол, потому что некоторые любители переписывать историю в угоду западным идеологам ставят под сомнение вопрос о подвиге Ленинграда и кощунственно задают провокационный вопрос: а может, стоило сдать город на Неве, сколько бы людей спасли? Только люди с каменными сердцами способны задавать такие циничные вопросы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глубина и значимость передачи событий отличают эстампы А.Ф.Пахомова и стихи Ю.П.Воронова. Художник и поэт показли

героическую жизнь осажденного города и великий подвиг ленинградцев глазами детей, тех кто выжил, и тех, чью жизни оборвала блокада.

Художник и поэт должны были в листе, в строке, строфе, стихотворении в целом показать, что коптилки, печки-времянки, заледенелые квартиры, напоминающие чем-то пещеры ледниковой эпохи, - весь этот каждодневный блокадный быт не мог превратить человека в его далекого предка, потому что ребенок - ленинградец, никогда не забывающий, что помимо супа из столярного клея в мире существуют музыка, книги, картины, что его город - это город наук и искусств. Ни в одном из великих городов мира не ощущается с такой силой, как в Петербурге, властное господство красоты, и нигде больше красота города не пребывает в подобном единстве с природой. Здесь на бесконечных северных просторах, под низким светлым небо, особенно проявляется духовный рост детей блокадного Ленинграда.

Дни блокады, пережитые детьми и переданные нам в рисунках А.Ф.Пахомова и поэтических строках Ю.П.Воронова, как рассказ о тех прошедших все круги ада и «претерпевших до конца…» Поэтому ребенок блокадного Ленинграда, обожженный холодом и морозом, не потерял человеческий облик, выжил и победил. «Иначе быть не может, - ведь это говорю не я, а ты…»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда – М.: Моя гвардия, 2013
2. Пахомов А.Ф. Ленинградская летопись.: Художник РСФСР, 1965. -9с: ил.
3. Пахомов А.Ф Про свою работу. - Л.: Художник РСФСР, 1971. - 308с.:ил.

4. Пахомов А.Ф. Выставка произведений: Каталог/ Вст. ст. В.М. Конашевича. -Л.'.Искусство, 1961.-31с: ил. 31с.:ил.
5. Пахомов А.Ф. Выставка произведений: Каталог. - Л.: Искусство, 1970.-40с: ил.
6. Художники города - фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников: Сборник. - Л: Художник РСФСР, 1973. - 301с
7. Ганкина Э.З. А.Ф. Пахомов. - М.: Сов. художник, 1958. - 121с:ил.
8. Матафонов В.С. А.Ф. Пахомов. - М: Сов. художник РСФСР,1981.-303с:ил.
9. Пьяных М. В свете военного детства // Звезда.. - 1988.- № 6.- С.200-201
10. Долинская В. Видеть и слышать время // Художник – 1983 - №5 – С42
11. Матафонов В.С. Указ. соч. - С. 139.
12. Долинская В. Видеть и слышать время // Художник – 1983 - №5 – С42
13. Пахомов А.Ф. Про свою работу. - С.201.
14. Матафонов В.С. Указ. соч.-С. 161-162.
15. Тихонов Н. Собрание сочинений: В 7- ми томах. -М: Худож. лит, 1973.-Т.1.-С.13.
16. Михайлов А. Судьба и поэзии // Ю. Воронов. Избранное.-М.:Худож.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронов Ю. Избранное. - М:.Худож. лит., 1987 Г. -320С.
2. Ганкина Э.З. А.Ф. Пахомов. - М.: Сов. художник, 1958. - 121с.:ил.
3. Дементьев В. Раздумья зрелости //Знамя.-1988.- № 9 - С225-226.
4. Долинская В. Видеть и слышать время //Сов. художник - 1983. -№ 5 - С.38-43.
5. Матафонов В.С. А.Ф.Пахомов. - М.:Художник РСФСР, 1981. -303с: ил.

6. Михайлов А. Судьба и поэзия// Ю. Воронов. Избранное. - М: Худож. лит., 1987.-С.3-16.

7. Пахомов А.Ф. Выставка произведений: Каталог / Вст.ст. В.М. Конашевича. -Л.: Искусство, 1961.-31с.:ил.

8. Пахомов А.Ф. Выставка произведений: Каталог. - Л.: Искусство, 1970.-40с.:ил.

9. Пахомов А.Ф. Ленинградская летопись. - Л: Художник РСФСР, 1965. - 9с.:ил.

10. Пахомов А.Ф. Про свою работу. - Л.: Художник РСФСР, 1971. - 301с.:ил.

11. Пименов Ю. Многогранный талант: Слово о А.Ф. Пахомове //Искусство. - 1974. - № 3. -С. 16-18.

12. Пьяных М.В. В свете военного детства // Звезда. - 1988. - № 6. -С.200-201.

13. Семенов Б. Поклон учителю//Аврора. - 1979. -№1. - С140- 147.

14. Соловко П. Мусенька//Нева.-1985.-№ 1.-С. 181.-183.

15. Славентатор Д. Жизнь всюду// Звезда.-1961.- №.11.- С.194-200.

16. Суздалев П. Советское искусство периода Великой Отечественной войны. - М.: Сов. художник, 1965. -468с.:ил.

17. Темин Л. «Убить в себе блокадную тоску...»//Лит.обозрение.-1980.-№ 2.-С.54-55.

18. Художники города - фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников: Сборник.- Л.: Художник РСФСР, 1973.-301с.

19. Чегодаев А.Д. Страницы истории советской живописи и советской графики. - М.: Сов. художник, 1984. - 484с.:ил.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Пахомов А.Ф. Поможем убрать урожай. Плакат. 1941 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

2. Пахомов А.Ф. Металлом по фашистам. Плакат. 1941 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

3. Пахомов А.Ф. Мальчики, смотрящие на огонь. Рисунок для эстампа «В детском доме». 1942 год. Государственная Третьяковская галерея.Москва.

4. Пахомов А.Ф. Обнявшиеся девочки. Рисунок для эстампа «В детском доме». 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

5. Пахомов А.Ф. После налета. Автолитография. 1942 год. Государственная Третьяковская Галерея. Москва.

6. Пахомов А.Ф. В очаге поражения. Автолитография. 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

7. Пахомов А.Ф. На Неву за водой. Автолитография. 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

8. Пахомов А.Ф. В детдоме. Ленинград. Зима 1941-1942 года. Эстамп. 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

9. Пахомов А.Ф. Салют 27 января 1944 года. Автолитография. 1944 год Государственная Третьяковская галерея. Москва.

Иллюстрации

1. Пахомов А.Ф. Поможем убрать урожай. Плакат. 1941 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

2. Пахомов А.Ф. Металлом по фашистам. Плакат. 1941 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

3. Пахомов А.Ф. Мальчики, смотрящие на огонь. Рисунок для эстампа «В детском доме». 1942 год. Государственная Третьяковская галерея.Москва.

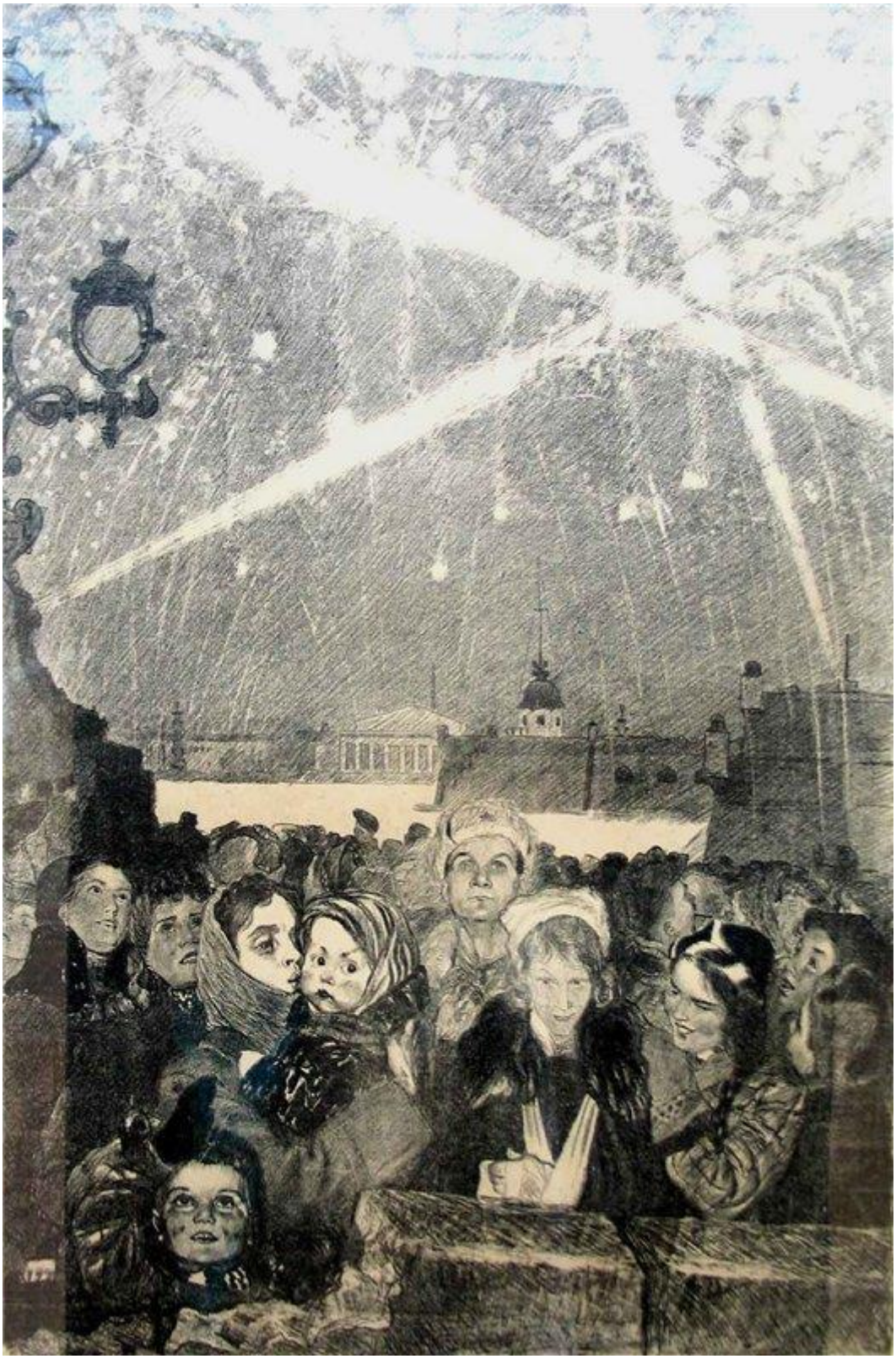
4. Пахомов А.Ф. Обнявшиеся девочки. Рисунок для эстампа «В детском доме». 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

5. Пахомов А.Ф. После налета. Автолитография. 1942 год. Государственная Третьяковская Галерея. Москва.

6. Пахомов А.Ф. В очаге поражения. Автолитография. 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

7. Пахомов А.Ф. На Неву за водой. Автолитография. 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

8. Пахомов А.Ф. В детдоме. Ленинград. Зима 1941-1942 года. Эстамп. 1942 год. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.



9. Пахомов А.Ф. Салют 27 января 1944 года. Автолитография. 1944 год Государственная Третьяковская галерея. Москва.

Приложения

«Сначала — тонкий свист над головою…»

Сначала — тонкий свист над головою.
Потом удар. Потом тебя качнёт.
Потом земля под домом и тобою
Встревоженно ворочаться начнёт.

Потом всё это снова повторится,
И крыша из-под ног пойдёт скользя.
И что не страшно — можно притвориться,
А вот привыкнуть — всё-таки нельзя…

Сотый день

Вместо супа — бурда из столярного клея,
Вместо чая — заварка сосновой хвои.
Это б всё ничего, только руки немеют,
Только ноги становятся вдруг не твои.

Только сердце внезапно сожмётся, как ёжик,
И глухие удары пойдут невпопад…
Сердце! Надо стучать, если даже не можешь.
Не смолкай! Ведь на наших сердцах — Ленинград.

Бейся, сердце! Стучи, несмотря на усталость,
Слышишь: город клянётся, что враг не пройдёт!
…Сотый день догорал. Как потом оказалось,
Впереди оставалось ещё восемьсот.

Память

Неверно, что сейчас от той зимы
Остались лишь могильные холмы.
Она жива, пока живые мы.

И тридцать лет, и сорок лет пройдёт,
А нам от той зимы не отогреться.
Нас от неё ничто не оторвёт.
Мы с нею слиты памятью и сердцем.

Чуть что — она вздымается опять
Во всей своей жестокости нетленной.
«Будь проклята!» — мне хочется кричать.
Но я шепчу ей: «Будь благословенна».

Она щемит и давит. Только мы
Без той зимы — могильные холмы.

И эту память, как бы нас ни жгло,
Не троньте даже добрыми руками.
Когда на сердце камень — тяжело.
Но разве легче, если сердце — камень?..

В блокадных днях мы так и не узнали…

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем
Выдали медали,
И только в сорок пятом —
Паспорта.

И в этом нет беды…
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда…

Младшему брату

Из-под рухнувших перекрытий —
Исковерканный шкаф, как гроб…
Кто-то крикнул: — Врача зовите!.. —
Кто-то крестит с надеждой лоб.

А ему уже, плачь — не плачь,
Не поможет ни бог, ни врач.

День ли, ночь сейчас — он не знает,
И с лица не смахнёт мне слёз.
Он глядит — уже не мигая —
На вечерние гроздья звёзд.

Эту бомбу метнули с неба
Из-за туч среди бела дня…
Я спешил из булочной с хлебом.
Не успел, ты прости меня.

Ленинградские деревья

Им долго жить - зелёным великанам,
Когда пройдёт блокадная пора.
На их стволах - осколочные раны,
Но не найти рубцов от топора.

И тут не скажешь: сохранились чудом.
Здесь чудо или случай ни при чём...
...Деревья! Поклонитесь низко людям
И сохраните память о былом.

Они зимой сжигали всё, что было:
Шкафы и двери, стулья и столы.
Но их рука деревьев не рубила.
Сады не знали голоса пилы.

Они зимой, чтоб как-нибудь согреться -
Хоть на мгновенье, книги, письма жгли.
Но нет садов и парков по соседству,
Которых бы они не сберегли.

Не счесть погибших в зимнее сраженье.
Никто не знает будущих утрат.
Деревья остаются подтвержденьем,
Что, как Россия, вечен Ленинград!

Им над Невой шуметь и красоваться,
Шагая к людям будущих годов.
...Деревья! Поклонитесь ленинградцам,
Закопанным в гробах и без гробов.

Крылья

Если б крылья иметь!
Два могучих крыла, как у птицы.
Можно было б взлететь
и на землю Большую пробиться,
Где не взвизгнет снаряд,
Где разрывы домов не качали,
Где, забыв Ленинград,
Можно спать безмятежно ночами.

Если б крылья иметь!
Можно было б сквозь ветры и вьюгу
От зимы улететь
В дали дальние, к жаркому югу,
Где опасности нет
От вечернего лунного неба,
Где встречают рассвет
Караваями теплого хлеба.

Если б крылья иметь!..
Только если бы мы их имели,
То сказали б: "Не сметь!"
Мы сказали бы так - и не смели.
Птицам плыть в облаках.
Мы же - вырвали б крылья
И сами
Их сожгли на кострах,
Так чтоб враг увидал это пламя.

Если б крылья иметь!..

«Заснешь…»
Заснешь -
И могут смолкнуть пушки,
Растает холод, будто не был,
И вместо ледяной подушки -
Горячая буханка хлеба.

Проснешься -

А в тебя опять
Их дальнобойные колотят.
У нас в палате
минус пять, -
Уже четвертый день
Не топят.

Мы бредим
Хлебом и теплом.
И все ж, весна,
Ты будешь нашей!..
Смотрите,
Хлопья за окном
Летят, как лепестки ромашек!

Дождь

Летний дождь
То сильней, то тише
По деревьям, траве, кустам.
Только снова снаряд над крышей,
Как замедленный свист
Хлыста.
Я не слышал
Того снаряда
и в себя
Не пришел потом:
Не увидел
Носилок рядом
И не помню
Сестры с бинтом.
Даже хлеб,
Что я нес на ужин, -
Потемневший от крови хлеб -
Мне теперь
Навсегда не нужен:
Я оглох,
Онемел,

Ослеп.
Больше в грудь
Не ударит сердце,
И отныне не для меня
Продолжает
Земля вертеться,
Дождь шумит,
Об асфальт звеня.
Но покоя мне нет:
Мы прежде
Победить должны - до конца...
Ленинград мой, моя надежда,
Замени
Своего бойца!

Камни

Нам пишут:
"Будьте стойки, как гранит!..."
Но память
Этих строк не сохранит.

Не потому,
Что стертые слова.
Не потому,
Что стоптано сравненье.
Бывает,
И осенняя трава
В глаза ударит
Свежестью весенней.
Не потому,
Что к слову здесь мертвы, -
Нужней, чем тут,
Оно нигде не будет!
Но без людей
И каменные львы,
И мрамор зданий,
И гранит Невы
Не поднимали б к солнцу головы...

...О, камни!
Будьте стойкими, как люди!

Трое

Я к ним подойду. Одеялом укрою.
О чем-то скажу, но они не услышат.
Спрошу — не ответят...
А в комнате — трое.
Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я знаю: не встанут.
Я все понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?